

ББК 63.3(2)52

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева

**Снижение авторитета духовенства
в мусульманских общинах Западной Сибири
в контексте государственно-конфессиональной политики
Российской империи в XIX в.***

P.K. Dashkovsky, E.A. Shershneva

**Decrease of Authority of Clergy
in Muslim Communities in Western Siberia
in a Context of a State-confessional Policy
of the Russian Empire in the XIXth Century**

Либеральный курс сотрудничества правительства с мусульманским духовенством Российской империи в XIX в. сочетался с жестким контролем над религиозными институтами. Вмешательство со стороны государственной власти в мусульманские духовные институты приводило к снижению авторитета духовенства в среде прихожан. Правительство, считая приходское духовенство непосредственными помощниками в деле ассимиляции мусульманского населения страны, фактически отталкивало их от общины, а община, в свою очередь, зачастую видела в них противников ислама. В то же время отказ от материальной поддержки государством священнослужителей и передача их на содержание самого прихода ставили их в зависимое положение от общины и приводили к конкурентной борьбе внутри данного института. Такое угнетенное состояние духовенства не могло оказать позитивного воздействия на безнравственную жизнь мусульманской общины.

Ключевые слова: мусульманская община, государственно-конфессиональная политика, духовенство, Западная Сибирь.

С расширением территориальных границ Российской империи в ее состав входили земли с исконно мусульманским населением. В такой ситуации основной задачей, стоящей перед правительством при присоединении новых регионов, было включение коренного населения в государственную структуру общества. В этой связи особое внимание уделялось религиозным институтам, в которых правительство видело непосредственных помощников в реализации своих политических целей. Однако либеральный курс сотрудничества с мусульманским духовенством сочетался с жестким контролем над религиозными

The liberal course of cooperation of the government with Muslim clergy in the Russian Empire in the XIXth century was combined with rigid control over religious institutes. Interference of the government in Muslim ecclesiastical institutes led to decrease of authority of clergy among parishioners. The government considered parish clergy as direct assistants in assimilation of Muslim population of the country, and in fact pushed them away from the community, and the community in turn frequently considered them as the opponents of Islam. At the same time the refusal of the state to material support the clerics and the transfer of their maintenance to the parish put them in a state of dependence from the community and led to competitive struggle in the given institute. Such oppressed state of the clergy could not render positive influence on immoral life of the Muslim community.

Key words: mussulman community, state-confessional policy, clergy, West Siberia.

институтами [1, с. 80]. С этой целью уже при Екатерине II в 1788 г. было создано Магометанское духовное собрание (Уфа), которое планировалось как государственный орган.

Магометанскому духовному собранию отводилась функция контроля за священнослужителями, подвластными его ведомству. Кроме того, оно должно было регулировать на основе светского законодательства отношения внутри мусульманской общины, учитывая при этом законы шариата. Данное ведомство целиком подчинялось государственным интересам. Многие религиозные деятели того периода не призна-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Алтай (проект №12-11-22000 «Формирование и развитие религиозного ландшафта на Алтае: исторический опыт и современная ситуация»).

вали такого влияния на религиозную жизнь общины. Они считали, что светские власти не должны вмешиваться в религиозные дела, поэтому видели в муллах, назначенных властями, незаконность действий, а также считали этих лиц врагами народа и ислама [2, с. 89; 3, с. 50–51].

Магометанское собрание было судебным органом второй инстанции, куда могли обращаться прихожане, недовольные действиями муллы, чтобы получить удостоверение для суда, основанное на нормах шариата [4, с. 104]. Сюда также обращались и сами священнослужители для решения каких-либо спорных моментов в своей деятельности. Так, например, ахун Семипалатинской казенной мечети просит разъяснить духовное собрание, какое он должен наложить наказание за незаконное сожительство, по шариату или нет. Свои затруднения он объясняет особой жестокостью мусульманского закона за такое преступление [5, л. 141–142]. В другом случае ахун Петропавловска Томской губернии обращается с просьбой предоставить ему устав Духовных дел иностранных исповеданий для решения спорных вопросов в общине по предписанию собрания. В связи с отсутствием данных книг это существенно затрудняет его деятельность [5, л. 75–75об.].

Важно подчеркнуть, что правительство видело в мусульманских священнослужителях инструмент воздействия на прихожан. Связанно это было с тем, что духовные лица принимали непосредственное участие во всех делах общины. Они активно привлекались светскими властями для решения судебных тяжб и разбирательств [6, с. 150]. Именно приходское духовенство являлось судебным органом первой инстанции. Муллы решали вопросы семейного права, а также занимались распределением имущества между наследниками в своем приходе. В обязанности приходского духовенства, кроме религиозных функций, входили еще и гражданские обязанности, например, ведение метрических книг. В рамках духовных обязанностей священнослужители должны были следить за нравственностью своих прихожан [7, с. 369].

Г.Т. Бакиева, ссылаясь на мнение исследователей второй половины XIX – начала XX в., отмечает, что мусульманское население Западной Сибири очень преданно своей вере, и главная роль в этой ситуации отводилась муллам. Духовные лица пользовались большим авторитетом и уважением среди татар [6, с. 148]. Однако, на наш взгляд, можно не согласиться с этим утверждением в полной мере. Духовенство, безусловно, имело много обязанностей в общине, но некоторые прихожане не приветствовали такую монополию мулл в общественной жизни, считая, что она приводит к беспорядкам [4, с. 113]. Основываясь также на архивных данных, можно говорить о том, что во второй половине XIX в. духовенство во многом теряет свое влияние на население. Таким положением

священнослужителей в своем ведомстве озабочен муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания. В 1879 г. муфтием было проведено собрание, на котором он выразил обеспокоенность участвовавшими жалобами на приходских священнослужителей. В своем обращении к собранию он подчеркивает и случаи жалоб духовенства друг на друга. По итогам проведенного собрания был разработан циркуляр, в котором всем ахунам, а где таковых не имелось, имамам, предписывалось объехать немедленно все подвластные им приходы и проверить их содержание и нравственное состояние мулл. Следовало также провести беседы с приходским духовенством об их поведении и о содержании прихода. Особое внимание требовалось уделить мечетям, при которых служит два имама, с целью урегулирования между ними всех непониманий. О всех выявленных недостатках надлежало немедленно сообщить в Магометанское собрание, подкрепляя их реальными фактами [8]. В этом же году по всем приходам была отправлена фетва муфтия, где обозначалась очередность на совершение богослужений и требоисполнений [2, с. 90].

Однако указанного распоряжения было недостаточно, поэтому уже через год, в 1880 г., выходит еще один циркуляр оренбургского муфтия. В нем также предписывалось ахунам и имамам совершить проверку приходов, но при этом прописывался конкретный 3-месячный срок, в который данная проверка должна была быть осуществлена [9]. Следует заметить, что не все предписания исполнялись как приходским духовенством, с чем скорее всего и связано издание повторного циркуляра духовным собранием, так и высшими духовными властями. 23 января 1836 г. утверждением Государственного Совета было установлено, что при мечети следует иметь не более одного муллы, чтобы избежать излишних ссор и беспорядков [3, с. 115]. Связанно это с тем, что к XIX в. были зафиксированы неоднократные случаи конкуренции и драк между священнослужителями в мечетях [2, с. 89]. В самих же циркулярах говорится о том, что особое внимание следует уделить именно приходам, при которых служат два священнослужителя, из чего можно сделать вывод о несоблюдении собранием установленного утверждения.

Жалобы, поступающие в Магометанское духовное собрание, состояли из рапортов духовных лиц друг на друга, а также на своих прихожан, и обращений самих общинников на безнравственное поведение приходских священнослужителей. При этом следует обратить внимание на то, что обращения в духовное собрание с жалобами друг на друга духовных лиц носили корыстный характер и были связаны с недостатком материального благополучия. Как правило, основной доход муллы состоял из оплаты за требоисполнение. Именно за выполнение этих обязанностей боролась основная масса приходского духовенства. Об этом,

в частности, свидетельствует жалоба чернореченского муллы, который подал рапорт на пятивременного муллу Эуштинских юрт о незаконном исполнении вместо него треб, а также неведением им метрических книг. В свою очередь, Магометанское собрание просит томского уездного исправника провести разъяснительную беседу среди населения Эуштинских юрт, а также объяснить населению данных юрт, что все записи в метрические книги делаются немедленно на основании статьи 1038 свода законов о состоянии Свода законов Российской империи, изданных в 1876 г. К тому же в Эуштинских юртах никакой мечети не значится [10]. Не всегда духовенство в своих жалобах скрывало истинную причину, побудившую написать рапорт в собрание. Имам д. Мавлютовой Ишимского уезда в своей жалобе на ахуна Петропавловска открыто пишет, что он «лишает имама и его семейство пропитания» тем, что венчает у себя девиц его прихода. В своем рапорте имам особое внимание уделяет бедности своей общины, в связи с чем и просит собрание предоставить указное предписание о запрете совершать требы ахуну без согласия приходского духовенства [11].

Тяжелое материальное положение приходского духовенства было связано с тем, что с 60-х гг. XIX в. правительство ввело положение, по которому общество обязывалось содержать как приход, так и священнослужителей при нем [2, с. 100]. К тому же и по магометанскому закону каждый общинник должен жертвовать в пользу мечети 10 часть хлеба, а также каждый должен по завершению поста дать мулле муку, денег и мясо, заготовленные во время праздника Курбан-байрам [6, с. 153]. Однако, как мы можем заметить из рапорта указного имама Тобольской губернии, «прихожане его мечети ведут богопротивный образ жизни, в мечеть не ходят даже на праздник Ураза и не предоставляют необходимого по закону дохода» [12]. Таким образом, ограниченность в средствах приводила к состязательности в авторитете среди духовенства [4, с. 110], и не всегда способы этой борьбы были честными, а порой зависели еще от личного благородства и грамотности священнослужителя. Материальное положение основной части мусульманского приходского духовенства оценивалось во второй половине XIX – начале XX в. как бедное [7, с. 370].

Междоусобная борьба в среде духовенства, а также их материальный недостаток и зависимое положение от правительства, безусловно, понижали авторитет приходского духовенства в глазах мусульманской общины. Именно община, а если быть точнее, общинный сход, занимала особое место в религиозной жизни мусульманского общества страны. Подобные собрания решали вопросы финансирования строительства и ремонта мечети, ее содержания, а также вопросы выборов и увольнения духовных лиц [6, с. 149]. Собрание могло также поставить вопрос об отстранении муллы

от занимаемой должности и уже с этим решением обратиться в духовное собрание для его утверждения. Так, на имама Реченских юрт в Оренбургское магометанское собрание было сделано донесение инородцем о том, что имам часто отлучается в русские селения во время праздников. Кроме того, он был замечен в нюхании табака. Вменялось в вину имаму и неисполнение обязанностей, в том числе погребение умерших без соблюдения обряда. Общество юрт в лице данного инородца просило отстранить имама от занимаемой им должности. Волостное правление не оставило эту просьбу без внимания и занялось расследованием. Опросив имама и отправив его рапорт в духовное собрание, было решено отказать в отстранении его от должности [13].

Кроме обращений в Магометанское духовное собрание, известны случаи жалоб на муллу от мусульманских общин напрямую светским властям. В 1863 г. было направлено прошение на имя самого генерал-губернатора Западной Сибири, после чего он самостоятельно решил отстранить священнослужителя от должности, а только затем обратился в духовное правление с приказом немедленно отстранить от должности данного муллу и заменить его другим. Аргументировал свое решение губернатор тем, что у него уже есть жалобы на данного священнослужителя. При разбирательстве имамом в духовное собрание был подан рапорт с доказательствами его невиновности. Однако данный документ было решено оставить без внимания, и никакого препятствия в выборе временного муллы на время следствия также не видели [14]. Светские власти также иногда обращались с просьбами к Магометанскому собранию об ограничении власти священнослужителей. Окружное собрание Семипалатинской области направило обращение в Оренбургское магометанское духовное собрание с целью обязать ахуна «не распространять свои права где ему не предписано, избегая самолюбивых и карыстолюбивых расчетов» [15].

Таким образом, можно констатировать, что решения в Духовном Собрании принимались не всегда в пользу общины. Встречались инциденты, когда в результате расследования и предоставления имамом рапорта его оставляли на занимаемой должности. Жалобы прихожан, как правило, не удовлетворялись, когда в процессе расследования выяснялось, что между духовным лицом и прихожанином имеются экономические противоречия [16] либо личные неприязненные отношения [17].

Не всегда священнослужители могли самостоятельно решить проблемы, связанные с нравственностью своих прихожан. Нередки случаи, когда приходские священнослужители обращались за помощью к духовному собранию, а также к губернским властям. К тому же само Магометанское собрание тесно взаимодействовало с органами государственного управления

в решении конфликтных ситуаций. Духовное собрание всегда, получая рапорт как от священнослужителей, так и от прихожан, обращалось к губернскому (областному) правлению с просьбой провести следствие и доложить о возникающих противоречиях в духовное управление. Примером может служить рапорт имама Сафарова из Новых юрт о безнравственном поведении прихожан. Следует обратить внимание, что в таких случаях губернские власти играли далеко не последнюю роль. Духовное собрание обращается именно к губернскому правлению с просьбой оказать содействие в призыве инородцев к праведному образу жизни [18]. Об отсутствии строгой религиозности в жизни магометанского населения второй половины XIX в. свидетельствует рапорт имама Ханулина о вредности расположения вблизи русских селений, куда ездят магометане со своими женами на праздники. Имам просит удержать население своего прихода от таких посещений, так как «там пьянство и разврат» [19]. Об отсутствии богобоязненности в мусульманской среде свидетельствуют исследования Н.А. Томилова, который указывает, что в дореволюционный период отмечается слабая религиозность у групп некоторых

татар. В отдельных аулах мечети прихожанами посещаются редко, мужчины курят, спорят с муллой, а также получают широкое распространение домусульманские религиозные верования [20, с. 163].

Вмешательство государственной власти в мусульманские духовные институты приводило к снижению авторитета духовенства в среде прихожан. Правительство, считая приходское духовенство непосредственными помощниками в деле ассимиляции мусульманского населения страны, фактически отталкивало их от общины, а община, в свою очередь, зачастую видела в них противников ислама. В то же время отказ от материальной поддержки государством священнослужителей и передача их на содержание самого прихода ставило их в зависимое положение от общины и приводило к конкурентной борьбе внутри данного института. Такое угнетенное состояние духовенства не могло оказать никакого позитивного воздействия на безнравственную жизнь мусульманской общины. К тому же они видели проблему такого состояния общины еще и в ее близости с русскими селениями, что осложняло религиозную ситуацию этническим фактором.

Библиографический список

1. Октябрьская И.В. Крещенные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX–XX веков // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск, 2005.
2. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1999.
3. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М., 2004.
4. Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского Магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. – Казань, 2006.
5. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). – Ф. 259. – Оп. 3. – Д. 5746.
6. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). – Тюмень ; Москва, 2003.
7. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002.
8. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 11. – Д. 404.
9. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 10. – Д. 339.
10. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 16080.
11. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 7440.
12. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 11. – Д. 93.
13. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 6225.
14. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 5737.
15. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 5738.
16. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 11492.
17. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 12274.
18. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 3279.
19. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 3. – Д. 3284.
20. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1992.